

ГАВРИЛО

К. 6246.

НАК ДЛЯ НОГО.

1934

К. 6246.

— Что обозначают эти две буквы: Х. В ?

— Как для ного. Для несознательных—это „ХРИСТОС ВОСКРЕС“. Для малосознательных—
„ХОРОШАЯ ВЫПИВКА“, а для нас с тобой это просто,—„ХРИСТА ВЫДУМАЛИ“.

Первомай.

Рабочие пароли
Метнув из края в край,
В Европу на гастроли
Явился ПЕРВОМАЙ.
И кличет:—Все готовы-ль
Поднять на бой мечи?
Увы, еще не вдоволь
Наелась палачи...
Свирепый Муссолини
Всех режет, как хирург;
Оскалился в Берлине
«Избранник» Гинденбург.
В Болгарьи—смерч цанковский,
В Варшаве, как нарыв,
Уселся Войцеховский
Под сенью дефпензив.
Клыки оскалив гордо,
Гарцует вперед
Британский Держиморда
С приказом «Осади»!
И, улыбаясь мило,
Бочком и напрямик
Пролазит всем без мыла
Где надо, меньшевик.
И в общем диком вое
Взывает ПЕРВОМАЙ:
— Гей племя трудовое,
Рабочий люд, внимай!
Восстань, штыки вздымая,
Огнем борьбы горя,
И так от ПЕРВОМАЯ
Дойдешь до ОКТЯБРЯ.

ЖГУТ.

Как я в церковь ходил.

Человек я, в общем и целом, анти-религиозный, с богом у меня разговор короткий, чтобы, значит, никаких богов, и—квит. Страсть как я этот опиум не уважаю, даже курить бросил.

Баба у меня тоже така-а-я безбожница, хоть святых вон выноси. Спасибо, что давно вынес. На клепки пошли.

Но в праздничный день отдыха по декрету, решил я, от нечего делать, в церковушку заглянуть. Каюсь, доро-

гие товарищи, всесоюзно каюсь, простите меня, ветрогона, любопытство окающее одолело.

Дай-ка, думаю себе, хоть одним глазком на этих самых верующих погляжу. Скоро, небось, в музеях их показывать будут, так зачем же, думаю, лишний пятак за вход переплачивать. Себе дорожке.

Зашел, чин-чином, на правой стороне примостился, по случаю, как я мужчина. А на левой старухи, штук десять. Окромя прочего ладаном накурено, не продыхнешь, будто рыба на песке, а винтилятора нет. Куда тут, думаю, охрана труда смотрит, что за безобразие какое?!

Стало-быть, стою, старухи на мою кожанку зарятся, а я на них. Ну, мерекаю, пропал, попал, как кур во щи. Либо крестись для отвода глаз, либо в подозрительные безбожники попадешь. Каюсь, братишечки, каюсь во всесоюзном масштабе-перекрестился я, для ради наблюдения за бытом.

Ключуло. Отвернулись бабки, на иконы уставились, а иконы на них. А одна бабка ласково так змеем в ухо мне шипит.

— Вы, говорит, раб божий, не член ли „пятидесятки“?

— Ошибаетесь, говорю, ошибаетесь, старая гражданка, ровно на сорок семь. Я, говорю, не член вашей „пятидесятки“, а член санитарной тройки нашего жилкопа.

Сказал, а сам в темный уголок схоронился. Не люблю я этих старушечьи интервью. Стою, значит, и слушаю, как попы гундявят. Абие, дондежа еще... Словно, международный доклад читают, наскрозь иностранные слова. Скучно.

Потом хор запел. Ничего себе поют, чувствительно. Я даже, грешный человек, душой умилился. Двадцать лет не умилился, а тут снизошло, осенило. Зекаю по сторонам, на алтарь зекаю, и рассуждения у меня все на божественные идеи.

Хорошо, думаю, ах, как хорошо бы в алтаре скажем, сцену устроить, а на левом притворе—красный уголок приспособить. Какое, думаю, здание за дарма пропадает, в самый раз-под клуб.

Всю бы обедню умилился, да разговорчивая старушка помешала.

— Писни, говорит, раб божий, моего сродственника новоприставленного Онуфрия в поминание чтобы. Ты, ве-

дать, дошлый. А у меня, говорит, у глазах темь, в головоньке темь.

Жалко мне ее стало. С'агитнуть бы, думаю, не-сознательную старушку на старости лет.

— Эх, говорю, старушечка, шла бы в ликбез, что ли.

А она, как наседка, затрепыхалась, заклохоталась:

— Что ты, что ты, говорит, окстись, где лик бе-са?! Во святом то месте. Соль тебе на глаз, огла-шенный!

— Эх, говорю, старушечка, не понимаешь ты меня. Я, говорю, тебе на пусть инстинный на-ставить желаю, а ты стесняешься.

— Не надо, отвечает, не надо мне инстинного пути. Мелких нет. Послед-ние отцу Ивану за испо-ведь отдала. Да и боюсь я тебя. Не в раске ты, расстрига, может.

Ну, да разве дуре чего втемяшишь? Я, конечно, сказал „тьфу“ и на све-жий воздух вышел...

Михей.

ВМЕСТО ХЛЕБА.

Румынское правительство отправило в голо-дающие районы массу жандармов.

— Ваше превосходительство, нам есть нечего.

— Как нечего? Мало мы вам жандармов по-слали? Ешьте глазами начальство.

Хлебные частушки.

Сплошь да рядом коопера-тивные пекарни выпекают сырой или насквозь прогоре-лый хлеб. Хлеб с „премией“ — обычное явление.

В рабкооповской печи,
Какие хочешь калачи:
Маковые, слобные,
И тому подобные!

В аржаном ядреный мак,
И особый в маке смак.
Ах, ты-ж, шалунишка,
Маленькая мышка.

Васька, будто истукал,
Запотал угрюмо:
— Мне попался таракан,
На манер изюма.

Ты не корчи злобных харь,
Коль дадут тебе сухарь.
Накупи ты булочек,
И... мости проулочек.

Ситный вздулся как гора,
Видно, сдоб три ведра:
Гвоздь с вязальной спицею,
И башмак с тряпицею.

Режу, режу каравай,
И дрожу былинкой:
Вдруг окажется трамвай,
Или дом начинкой!!!

В животе—милльоны жал,
Колики, икота...
Я бы дальше продолжал,
Да тошнит чего-то.

Мих. Сазонов.

ЧУДЕСА ТЕХНИКИ.

Неизвестные злоумышленники, проникнув в здание Макеевского подрайкома, потащили несгораемую кассу.

— Гляди, давеча несгораемую кассу стащили, а теперича уже весь подрайком парень сбондил! Вот так техника!

Роковой поединок.

Наведя подробнейшие сведения о заработках гражданина Лиллипутера, финансовый инспектор сладострастно потер руки и сказал секретарю:

— Пишите этому гаду сто рублей. В трехдневный срок чтоб, он у меня потанцует...

* *

Однако, гад Лиллипутер не имел никаких балетных наклонностей и от танцев решительно отказался.

— Что значит сто рублей? Пускай описывают обстановку. Больше пяти червонцев она все равно не стоит. А за сто рублей я себе куплю такую новую, что фининспектор лопнет.

* *

— Хор-рошо-с. Так и запишем-с,— мрачно сказал фининспектор.—Я ему покажу, как за сто рублей обстановку покупать. Секретарь:—пишите гаду Лиллипутеру дополнительных двести

рублей. В трехдневный срок чтоб у меня по-тан-цует.

* *

— Что значит двести рублей?— писал практичный Лиллипутер.— Пускай описывают. За двести рублей такую новую обстановку заведу, перед ней старая побледнеет. Пусть сто процентов выгоды.

* *

— Что?... Лиллипутер купил новую обстановку за двести рублей?— знаете. Не нахожу слов... Секретарь:—пишите гаду пятьсот рублей в трехднев...

* *

— Пятьсот рублей? Ха! Пусть описывают. За пятьсот куплю роскошную новую. Триста рублей чистой прибыли.

* *

— Секретарь, пишите ему тысячу в трех...

— Ха-ха. Пусть описывают, тысячу рублей чистой прибыли. Можно дачку отремонтировать.

— Пиш-ш-ш-ите-е тысячу пятьсот. Чтоб в трех-х-х...

— Ха-ха-ха...

Финансовый инспектор вошел в роскошную гостинную Лиллипутера, тяжело опустившись в шолковое кресло „Луи четырнадцатого“, глухо прошептал:

— Сколько? Раз навсегда?!

— Обкладываете на три тысячи,— скромно сказал Лиллипутер, вынимая золотой портсигар и предлагая финансовому инспектору египетскую папиросу.

— Окончательно? — подозрительно покосился фининспектор — без жульничества?

— Чтоб я себе новой мебели не видел! — воскликнул Лиллипутер.

— Сдаюсь — прохрипел фининспектор. — Три тысячи... И чтоб в трехдневный срок. До свидания.

Лиллипутер печально улыбнулся в след уходившему фининспектору и прошептал.

— Три тысячи налога? Ха. А если тридцать три? А если у меня восемьдесят тысяч годового дохода?

Бедный фининспектор не учел этого. У него была скромная советская фантазия, которая еще не привыкла простирается до наших дней.

Вал. Катаев.

Выиграл.

В прошлом году нам в зарплату облигации давали. Помните: синие они такие были?.. Загаймовые назывались.

На их играть можно было, и случалось, что выигрыши происходили с ими...

У меня их штук пять накопилось. Без движения полгода в сундуке пролежали, и я об них абсолютно забыл. И жена моя Катюша тоже об них память потеряла... Потому они без дела лежали. Только номера ихние в заводской табели записанные были, и какой-нибудь из нас на заметочке тоже копию себе хранил. Чтоб на всякий случай...

На днях на завод прихожу, индифферентно так настроенный, слышу: по цеху крик, — разговор: „Семенов, грядет с поздравлением тебя с выигрышем. На твой номер двести капнуло“...

— Врете, грю... Это нелепы!

— На читай собственноручно: в газете ясно видать: 200. И аккуратно твой номер в завкоме проверка была.

— Для чего мне, говорю, завкомская проверка, ежели у меня копия записанная? Беру копию. Да! Без сумления мой... у меня 200 безусловно...

— А что, ребята? спрашиваю... Не бы, чтоб в газете с ошибкой?

— Как можно, нешто для этого с нас каждый месяц по рублю вычет на газету делается, чтоб она с ошибками была. И то она газета считается, что ежели в ней что напечатано, она за это ответственна.

— Ладно, грю... Пускай по вашему... же теперь? спрашиваю.

— Ничего теперь... Явственно, что с настоящего сегодняшнего момента ты как индифферентный считаешься...

— С профсоюза, значит заключаюсь?

— Обязательно? Где же это видать, 200 в кармане было и в союзе держать?

— И с копиротива выкинут?

— Безусловно! На кого тебе ен дьявола, ежели ты все как, буржуазият, без очереди, за наличный расчет можешь?..

— Что-ж? По вашему ребята, выходит, что я через эти облигации сразу в нетрудовой элемент попадаю... А?

— Выходит так! А что, не хочется?

— Безусловно нет... Как я есть трудящийся и пролетарский элемент, то мне боль-досада, что меня с буржуазиятом по одной, как бы сказать квалификации...

— Такое, — говорят — твое счастье...

— А ежели не желаю я этого счастья... Тогда, как?

— Плевать, что не желаешь, раз требуется с тебя... А, впрочем ступай в завком... Там тебе полную справку дадут... Что, мы? Наперед того, чтоб побегать в завком, заскочил до Катюши, жены моей:

— Так и так, Катюша жена моя, говорю... Мужайся, крепись и не растеряйся, потому у меня для тебя извещение необыкновенное: двести червонцев, в кармане у нас... Наш номер аккуратно в газете пропечатан... Явственно черным по белому видать: «200»...

— Ладно, говорит Катюша... Дай, спрячу в сундук...

— Чего, спрячу? Ты наперед с сундука этот номер достань... Потому его выменять надо... Завтра сполна получишь...

Она в сундуке промжг спешодежи ищет, а я ей тихо-тихо, чтоб не спугнуть в конец:

— Заешь, Катюша жена моя?.. Нас через эти денги, с профсоюза, как буржуазного элемента... Соглаш ты на это?

— Безусловно, раз требуется...

— И по квартплате... и за коммунальные услуги и за канализацию — все, как с нетрудовых, возьмуг... Как ты на это?

— Чего-ж... Раз, ежели мы такие...

— А еще знаешь, Катюша!.. Нас с копиротива выкинут и книжку отымут...

— Ну, нет... Ежели так, я несогласна... Отдавай, назад... Не желаю без книжки... Для меня это позорно, и боль-досада по-

НЕВАЖНАЯ МЕЛОЧЬ.

Врач допризывного участка роты связи сапроты Гнусов (Чернигов) при осмотре допризывников не моя рук, осматривает одного больного вслед за другим.

— Ой доктор, вы только что до меня одному больному в такое место лезли... А теперь мне в рот прете... И рук даже не всполоснули...

— Ну, и темнота... И не знают, что геморрой не заразителен.

лучается, чтоб я без копирационной книжки по буржуазной, как бы сказать, линии... На, облигации и ступай на завод, откажись...

Прибежал на завод... В завком являюсь... Так и так, мол, товарищи—у меня семейное совещание с женой моей Катюшей было... И резолюция такая, что, как мы есть трудящиеся элементы—то нам следственно нежелательно без социального положения жить... Особливо без копирационной книжки...

— А ты, Семенов, разве сколько выиграл? спрашивает завком.

— Двести... Ежели в газете все праведно, так выходит 200. Много очень для моего бюджета...

— В таком случае—ты часть с них жертвуй... Вот, примерно у нас и Доброхим и Бозлушный флот и беспризорное дите.

— А сколько, спрашиваю, всех наберется.

— Ну! Всех то много будет... Штук 25, не меньше.

— Плевать, что много?... На все хочу жертвовать... Оптом запиши по червонцу на идею.

— Боюсь не хватит, говорит предзавком... Ежели по червонцу—нехватит...

— Как же, думаю, не хватит... Ежели с 200 скинуть 25, опять же 175 останется...

— Хватит, грю... Пиши... И по 2 червонца могу, ежели потрется...

— Ну смотри, Семенов... Не пожалей! Потому, раз в книге написано будет—пропало, не вычеркнем... Обдумай... Жему спроси...

— Пиши,—говорю... Не ваше дело... Хочу так и никто не вправе мне препятствие встречать... Давай, квитанции. Вот билет...

— Ну, гряд, ежели так... На тебе, Семенов квитанции... Честь и слава тебе Семенов, за твое поведение трудящего пролетария... Равкору скажем—он твой проступок в газете опишет... Чтобы о тебе, как бы сказать, в мировом масштабе популярность была.

— Спасибо, говорю, товарищи. Очень мне это искренне приятно!.. А как спрashiваю остаточком? Наличными можно?..

— Как хочешь, Семенов. Можно и с зарплаты вычесть. Чтобы не отягачать твой бюджет...

Стою, как каменный, ничего не понимаю...

— Почему, спрашиваю... Чтобы? Раз, ежели я на все жертвовал так мне остаточком на руки получить желательнее...

— Получить? С каких это средств получить хочешь? ежели ты 25 на идею жертвовал...

— Ну, а мне же по газете сколько?

— Ну сколько?... скажи...

— 200 писалось... Сам ственноручно выдаю...

— Ну 200... А ты пожертвовал сколько?

— Двадцать пять...

— Верно... двадцать пять червонцев.

Рублей, значит, 250 выходит... так?

— Так! 250 рублей...

— Ты выиграл 200, а жертвовал 25.

Значит нам еще с тебе 50 рублей приходится... Мы на их рассрочку сделаем в 5 месяцев с зарплаты вычетами возмездия поняла? Чего еще?

Неловко мне стало очень спорить, потому правы они безусловно. Ну и я так невинный... Ежели-б я с Катюшей совещался... Всегда так с бабой выходи ежели она без мирозерцания, идеологически подкладки и физиономии—то лучше с нею не совещаться, потому одна вредная мужчине только с этого выходит...

Я. М. Польский

— Не знаешь, братишка, скоро-ли вот эту киношку отремонтируют?

— Теперича скоро. Потому вот в этой пивной техническая комиссия заседает и смету ремонта составляют...

Как русские классики писали-бы о пасхе в 1925 году.

(Вольные пародии).

Жуковский.

Кто скачет, кто мчится пускаясь в галоп?
Ездок запоздалый, низложенный поп.
Он рясу свою на пальто перешил
И нового счастья искать покатил.
— Отец, адь взгрустнулось тебе, что
вздохнул.
— Родимый, Христос духовенство вадул.

Лермонтов.

— Посыпал пеплом я главу,
Не снес над церковью загона,
Я в страны дальние плыву
Со мной священная икона.
Не плачь напрасно, попадья,
Пойми, мои расчеты тонки:
— Ведь злата фунтов двадцать я,
Сниму с угодника иконки...

Макс Поляновский.

История одной конкуренции.

Бытовая повесть в 3-х частях с применением 141 ст. Уголовн. Кодекса).

Часть первая.

Вызов принят или адский замысел.

Узнав, что напротив его лавки „Ларек“ открывает свое отделение, Иван Трифоновч наброшел и сказал:

— Ну это вы, голубчики, не на таков-ного напали! Человек, который с понятием, вам нос утрет. Поборемся, чорт возьми, боремся!..

И он так ахнул кулаком по столу, что висевшая в углу богородица чуть не уронила от испуга своего младенца.

А зря барабанить кулаком по столу Трифоновч не любил!..

События назревали.

Часть вторая.

„Кто кого“?

На следующее утро на дверях и окнах лавки Трифоновча красовались огромные плакаты:

НИДЕЛЯ БАРЬБЫ С ЛАРЬКОМ.

!!! Тольки три дня !!!

Диш'влъ, лучш'е, ч'ѣм в Ларькѣ.

Цѣны значительно снижены!

ВСЕ В МАЮ ЛАВКУ!!!

Торговля шла бойко. Хозяин торжествовал.

Часть третья.

А счастье было так возможно.

Через месяц наш герой стоял уже перед судом, а на столе, в виде вещественного доказательства, лежали, уныло поблескивая, неклеяные гири и металлическая полоска в пятнадцать вершков, называемая метром, которая свидетельствовала о том, что Трифоновч плохо освоился с метрической системой.

Гарри Бальди.

К курортному сезону.

Эмигрантская грязевая ванна.

ДЕЛОВОЙ ПОДХОД.

Одесский Рабис постановил выпускать фильмы мелко-буржуазного содержания для того, чтобы создать материальный фонд для идеологических картин.

ПИОНЕР:— Нет, мама, я на эту картину не иду. Мне не нравится название.

МАТЬ:—Ах, Володя, как ты не понимаешь: ведь это финансовая предпосылка к идеологической фильме, так сказать, первая серия из цикла „борьба с царизмом“.

ПЕРЕУСЕРДСТВОВАЛ.

В ряде писем рабочие указывают на такое ненормальное явление: страхкасса выдает пособие получающим повреждение в пьяной драке и т. п.

— Ох ты, черт... Кажется, перестарался... Парняга просил две недели страхкассе, а я ему, кажись, на месяц курорту всыпал.

СПОСОБНЫЙ УЧЕНИК.

В Румынии группа студентов фашистов устроила ряд еврейских погромов, которыми руководил черносотенный профессор Куза (румынский Пуришкевич).

— Ну что, господин профессор, довольны ли моей работой?

— Вот еще вот того бегущего жиденка пристрелите и я вам сразу засчитаю три семестра.

Образцовый кооператив.

В Первомайске, Одесской губ. лопнул сельско-хозяйственный кооператив. Перед закрытием правление закупило для сбыта 1000 подсовов для больных.

„Одесские Известия“
26 марта.

I.

— То-есть до чего стало трудно теперь торговать—сказал председатель правления кооператива—даже обидно. Ты к покупателю с полным обхождением, ты ему и духи, и пудру, и автомобильные рожки, а он нос воротит до Лейзера, который напротив нас лавчонку держит.

— Плохие наши дела—сказал бухгалтер.

— Задолженность опять же 200 тысяч—что будем делать?

— Необходимо достать такой продукт, который для крестьянского обихода первая вещь.

— Одно слово, кооперации. Может, премию ему какую в нос тыкнуть?...

— Может, товар, который нужно,—отпускать—тихо—засекретарь правления.

— Поеду я в Одессу, достану в Сельском Господаре первоклассный товар, будем из нашего кооператива отпускать, так чтобы Лейзеру нос утереть.

Ассигновали сколько полагается; поехал председатель.

II.

Долго выгружали прибывший товар.

— Привез. Алексей Петрович?

— Привез. Такое привез теперь нос частному торговцу утрет в полной мере!

— Ударишь?

— Еще как. 1000 подсовов привез.

— Чего, чего?

— Подсовов! Предмет первой необходимости для крестьянского быта. Заболею, скажем, селянин. Что же ему до ветру, извините за выражение, ходить?

— А почему?

— Себе три рубля штука, продавать будем по пять. А ну ка, Лейзер, теперь попробуй сравниться с нами. У тебя сахар, керосин, соль, хомуты и прочие с'естные продукты, а подсовы у тебя есть?...

— Где ему, частному, до подсовов дотянуться? Он на керосине сидит, да еще его фантазия разве поймет?

— Куда им?—подтвердил.

III.

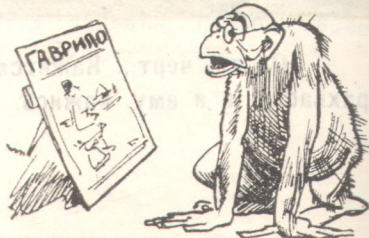
Несмотря на столь ходкий товар, как подсовы, кооператив лопнул!

Кредиторы получили по 30 копеек на рубль и по 12 подсовов на кредитора.

Сколько „получит“ правление кооператива—неизвестно; пока оно сидит... на одном подсове.

А так все хорошо: контора пишет, складные растут.

Д. Малюк.

Про трактор.

Селу Жукотки за культурное поведовство присужден трактор. Об этом было получено свидетельство из Москвы за подписью Калинина.

(Кр. Знамя.)

Предсельсовета окрипшим голосом объявил собрание открытым.

— Так что, товарищи, из центра бумага получена. И в бумаге этой нашему селу присудили...

По хате прошел сдержанный ропот. Самый горластый из мужиков, Иван Нетудыхата, не сдержался и прервал оратора.

— Неправильно это! Не по закону! Омелка Дуга, та Петро Репень, та бабка Семениха самого варят, а которые не видют и пьют,—тут протестант метнул взгляд в сторону преда,—а мы всем селом отвечаем? Такого декрету нет, чтоб всему селу прису-дили...

Собрание сочувственно закивало головами.

Пред иронически погледна Нетуды-хату.

— Здравствуйте! Сидайте в нашей хате! И чего ты лезешь поперед батьки в пекло? Надо выслушать, а потом дисуссию разводить.

— ...присудили нашему
селу трактор...

— Ой лишенько мое,—заголосила вошедшая в этот момент на собрание баба.— При-и-судили? Все село? Царица небесная...

— Та цить! — прикрикнул на нее пред. — Не бабьяго ума дело! Ежели ты без понятия—молчи! Правильно я говорю?

— Оно так раздалось го-
лоса.

— Не бабьего ума это дело.
— Одначе...

— То-то! А ежели принять во внимание, что весна на носу...

Собрание невольно устремило взоры на солидный нос преда, отливавший всеми цветами радуги.

— ...То все станет понятно.
Вот она, бумага самая!

Бумага начала переходить из рук в руки. Ее рассматривали сперва просто, потом на свет, щупали ее со всех сторон.

— Бумага хорошая, правильная бумага. А присудили то за что? У нас все в порядке выжись,—загудело собрание.

Пред даже взволновался.
— Говорю-ж вам за что.
Вот в бумаге сказано: за
культурное полеводство при-
судили... Трактор...

— Что-ж, дело, хорошее, — заговорил самый старший из мужиков, дядя Антип. — А где же самый трактор-то?

— О, так и знал,—отвечал пред.— Полное отсутствие понятия. Сказано в бумаге: присудили к трактору. А раз присудили, значит—пришлют.

Вздых облегчения, смешанный с чувством удовлетворения вырвался из коллективной груди собрания.

— Ото добро! В самый раз. Спасибо!— заговорили все, сразу прозрев.

Один дядя Антип задумчиво скерб за-
тылок.

— Дело хорошее, что и говорить, ежели присудили к трактору. В нашем хозяйстве, без трактора как без рук. Но ежели, принимая во внимание, как бы теперича под амнистию не подвели и не изменили при- суждение на плуг. Направить надо ходков к Михал Ивановичу, чтоб в обиду не дал. Ась?...

А в это время новенький трактор, поблескивая на солнце медными частями, важно подкатывал к селу, сопровождаемый изумленными детишками и стаей собак.

Туз. !

Опыт—великое дело.

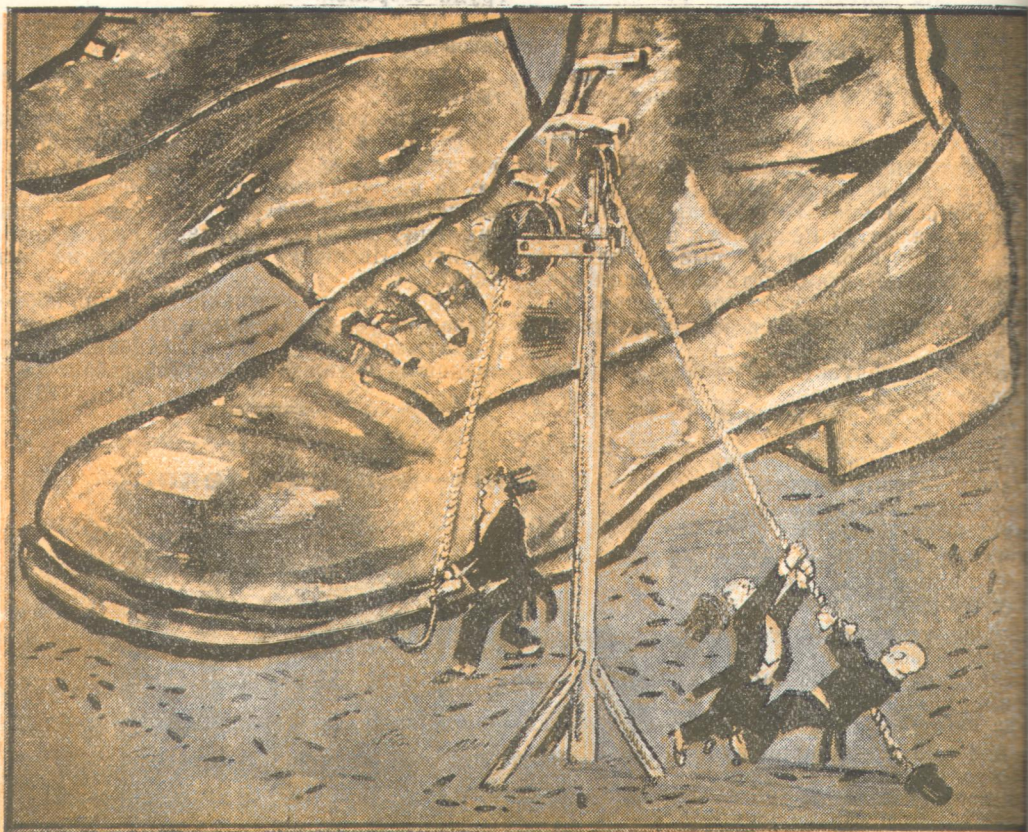

— Почему в этом киоске продавец тебе дал в кредит, а мне не дает.

— Ясно: тебя он хорошо знает, а я для него к счастью еще новый человек.

НАДЕЖНЫЙ БЛОК.

Державы малой антанты образовали антибольшевицкий блок.

— Сильней тяните!!! Сейчас он опрокинется.

Горе-повелитель.

Между болгарским царем Борисом и главой правительства Цанковым возникли крупные разногласия.

— Ты вот мне, Цанков, скажи откровенно:—царь я, или не царь?

— Допустим, что царь.

— А почему, Цанков, я царь? Молчишь? Не знаешь? Ага! А я знаю.

— Что ты там знаешь?

— Я знаю, что меня сам бог помазал на царство... Скажи, мазал меня бог на царство, или не мазал?

— Я при этом не был, но говорят, что было такое дело.

— Ага! Вот то-то и оно! А для чего меня бог мазал?

— Не знаю. А только чем мазали, не могу сказать.

— Не знаешь? А я знаю.

— Ну, и радуйся.

— Нет, ты послушай... Раз меня бог помазал, значит, я должен царствовать.

— Ну и царствуй.

— И повелевать...

— Повелевай... Дело хорошее.

— Ага! в таком случае, я повелеваю тебе, Цанков, немедленно подать в отставку... На твоё место я назначаю...

— Ладно, ладно... Слышал...

— А если слышал, так немедленно...

— Послушай, Борька,—улыбнулся Цанков—перестань дурака валять! Какого тебе рожна надо? Жалование ты у меня получаешь хорошее... По 17-разряду, да ещё с нагрузкой. Квартирка у тебя казенная, врач тоже не плохой и выпивки сколько хочешь? Чего-же ещё тебе нужно?

— Но я царь.

— Знаю, знаю... Никто твоего царского достоинства не отымают. При посторонних ты даже от меня почтение имеешь, чинчином. Так вот тебе я советую по дружески. Брось эти свои фигли-мигли... Не твое царское дело в чужие дела вмешиваться...

— Но меня сам бог...

— И это знаю... А все таки не суйся, куда тебя не просят...

— Но ты вешаешь без разбору... У меня скоро народу не останется...

— Не важно... Полиция за народ сойдет... Не в первый раз ей такое дело.

— Но так может дело дойти до революц...

— Что такое?—прищурился Цанков.—Ты это откуда такие слова услышал? Ты это что-же,—агитацию разводишь? Пропагандой занимаешься? Ты у меня смотри! Не погляжу, что ты царь и что тебя чем-то там

мазали... У меня это живо .. При попытке к бегству... Раз два—и ваших нет...

Борис побледнел...

— Ты это не посмеешь... Я царь... Меня бог... Я повелеваю....

— А плевать мне... Вместо тебя другой дурак найдется...

На очередном заседании совета министров Цанков говорил:

— Мой всеподданейший доклад был принят его величеством весьма милостиво. Его величество выразил надежду, что я и вы, господа министры, приложите все силы, чтобы спасти Болгарию от великих потрясений. Могу передать вам искреннюю благодарность его величества за твердый курс, взятый по умиротворению страны.

Аника Воин.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ПРИГОВОР.

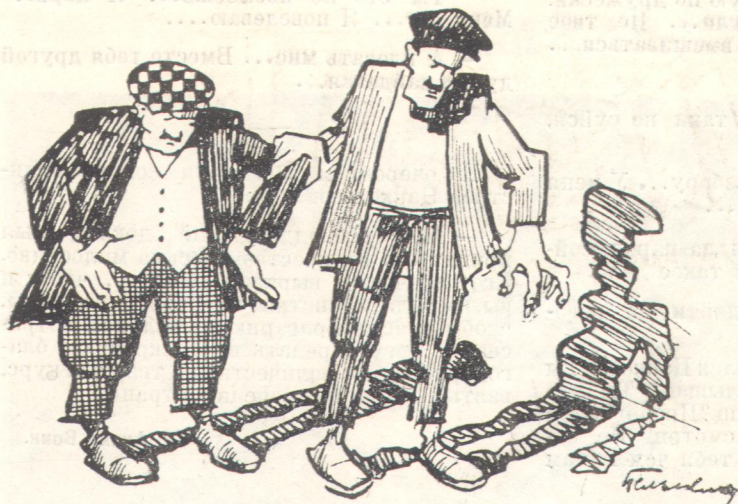
Один из донбассовских насрудей назвал ответчика крестьянина египетской обезьяной.

— Я, товарищ судья, не египетский, а макеевский, и не обезьяна, а крестьянин. Вы должно быть волость перепутали... А ежели и был когда, так по неосознанности.

Напали на след.

В Англии, под видом оказания помощи, безработных кормят низкопробными суррогатами.

— Откуда ты знаешь, Джек, что столовая близко.

— А вот видишь ползет монрица. Это значит, что где то тут, и что на второе—маисовая каша.

— Так то оно так,— усумнились рабочие,— да только ваш Маркс кажись, „Капитала“ не имеет.

— Это наш то Маркс без капитала,— возмущились меньшевики.— В рожу наплойте тому, кто такие скверные слухи распускает.

— Есть, значит, у президента „Капитал“?

— Еще какой!

— И он при помощи „Капитала“ думает капитал уничтожить?

— Думает. При его капитале плевое дело уничтожить „Капитал“. Знаем. Капитал, братцы, великая штука.

— Известное дело не будь „Капитал“.

— Не будь капитал—зачахли бы мы.

— Оскотинились бы.

— Долой „Капитал“.

— Долой капитал!

— Даздравствует капитал Маркса!

Эпидемия на „Ч. К.“.

Правительство Цанкова якобы раскрыло в Болгарии „коммунистическую Ч. К.“.

У западного рынка
Последняя новинка,
Гигантски велика,
Там шепчут деловито.
— Вы знаете—раскрыта
„Советская Чека“.

В Германии дан повод,
И мигом у Цанкова
Готов такой приказ:
— „Мою исполнить прихоть
ЧЕКА из под земли хоть,
Но раздобыть тотчас“.

Стараются бандиты
И вот.. Чека раскрыто
В Болгарии в момент...
На завтра-же, быть может,
Приказ такой даст тоже,
Хотя-бы Чемберлен...

Выходит это бледно,
По нашему не вредно.
Взамен аферы грязной,
Для швали буржуазной,
Рабочею рукой
Создать иную эру—
Очистить атмосферу
По нашему примеру
Советскою Чекой...

М. Поляновский.

Кавычки.

Меньшевики отдают голоса
Марксу.

(Из газет).

— Ну вот теперь и мы настоящие марксисты,—сказали меньшевики, усаживая в президентское кресло Маркса.

— Да здравствует „Капитал“ Маркса!

— Урра!

— Выпьем по случаю единодушия! Да здравствует..

— Долой большеви...

— Што-о?

— Долой, говорю, большевиков.

— За что же?

— За это самое.

— Да за что же! Ничего не пойму! Не согласны, что ли? За кавычки?

— Вот именно, за „кавычки“. Пусть же Голосуй за Маркса.

Дед Глаз.

— Ну и времена настали! Еле уговорил наборщина хоть в конце страницы меня приткнуть.

Под гармошку обо всем понемножку

I.

В проммилицию при Петровских рудниках поступил милиционером некий Великов Григорий. Принят он был на службу только после того, как женился на своей невесте начальника проммилиции.

Гаврилкор Ч.

Облегчается задача:

Коль на место хочешь сесть,

То спроси скорей у нача:

— Может быть, невеста есть?

II.

В жилищкоопе № 516, по улице Урицкого № 31, квартира 3, проживает гражданка Гофлин, имеющая присугу, которую эксплуатирует невероятно, заставляя работать по 12-15 часов в сутки.

Н. Ш.

Если любит по программе

Выжимать та дама пот,

Дать попробовать той даме

Принудительных работ.

Ж-т.

ПРИКАЗЫ ГАВРИЛЫ.

ПРИКАЗ № 33.

Всякие есть спецы, но на рутченковском руднике оказался спец такой, что всем спецам спец. Специальность его простая, но полезная, по скотской части — ветеринар, значит. А зовут этого ветеринара тов. Пащенко и служит он при конном заводе. И вот, что о нем пишет гаврилкор Громов:

Позвали тов. Пащенко на кобылы роды. Роды оказались трудными. Для того, чтобы извлечь лошенка, тов. Пащенко потребовал на помощь пять человек. Тянут потянут, вытянуть не могут. Позвали еще пять человек. Тянут потянут, вытянуть не могут. Потребовал тов. Пащенко лебедку и стали тянуть лошенка лебедкой. Наконец, вытянули лошенка, конечно, задущенного. Спустила четверть часа сдохла и кобыла.

По имеющимся у меня сведениям, кобыла перед смертью со стоном прошептала: — Почему, когда рождался на свет такой талантливый ветеринар, как тов. Пащенко, его же не тянули лебедкой. Тогда может быть я не только осталась бы в живых, но и имела еще дитя малое для продолжения моего честного лошадиного потомства.

О вышеизложенном приказом объявляю.

ПРИКАЗ № 34.

Государственный керамический завод при ст. Кутейниково сильно заражен двумя вредителями. Вот что пишет по этому поводу наш гаврилкор Фелоча:

Наш завод переполнен родственниками. Их около двух дюжины, а может быть, и больше. Заведывающий имуществом Демченко А., старший мастер машинист — Кушняк Л. его сваяк, механик — сват и Кушнясу и Демченко, конторщик племянник Демченко и зять механику. Всех не пересчитаешь.

Зачем считать?.. можно и не считая почистить как следует, кого следует, начиная с самого Демченко. А за одним покатытся колбаской и все его родственники.

ПРИКАЗ № 35.

Со станции Харьков Южных железных дорог мною получена следующая телеграмма:

Редакция Гаврилы точка Жилищная комиссия на железных дорогах форменно бездействует точка В казенных домах живут частные лица запятая а железнодорожники живут на частных квартирах запятая иначе говоря запятая не живут а мучаются точка Феде

Отвечаю телеграфно же:

Харьков вокзал Феде точка Передайте жилищной комиссии запятая что она вся в целом тире никуда не годится запятая потому что члены этой комиссии многоточие

ПРИКАЗ № 36.

Мной получен следующий официальный запрос:

До редакції журналу Гаврило. Найвища Рада Фізкультури при ВУПКВ УСРР прохає оповістити працівців та імення т.т. Завідуючих відділом фізкультури і спорту Вашої газети. Член Президії НРФК Від. Секретар Прісис Секретар Агітсекції Бардичевський.

Відповідаю: І завідуючого у нас нема, і відділа такого немає, але і я, і мої співробітники дуже щірі фізкультурники. Тільки ми більш усього прихильні, вибачайте, до боксу: кого по пиці, кого по потилиці, а кого і пером у те саме місце, звідкіля ноги ростуть.

ГАВРИЛО.

ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО.

„Покупайте куличи, мазурки и сырные пасхи только в „Ларьке“.
Из пасхальных объявлений.

— И куда ты, бессознательная, прешь. Видишь—госучреждение, значит без очереди святить будут. Порядков не знаешь.

Укрголовит. № 892.

Харьков. Тип. Ц К.К.П.(б.)У. „Коммунист“. Зак. № 4845/1866.

Тир. 10.000.

Цена 20 коп.

[8-7 (05) (47714x), 1925“].